

Белила цинковые

Вика, как всегда, была на месте за полчаса до начала ее дежурства. Выгрузила все сумки на асфальт, и сразу начала вынимать из упаковок и развешивать картины на решетке. Последние четыре дня ничего не продавалось, и Вика уже выучила наизусть оптимальный способ разместить все работы на двух стендах, не перевешивая их «чтобы все уместились». Собственно, в привезенных сумках ее картины составляли только треть всей выставки, так как работала она продавцом по очереди с еще двумя художниками. Такие же дежурные продавцы от небольших групп художников сидели у соседних стендов.

Кадмий желтый средний

«Ярмарка картин» в центре Питера на Невском проспекте представляла собой двенадцать больших стоек в виде решеток, скрепленных крестом и покрытых сверху огромным желтым зонтом от дождя и солнца. Желтый свет лился на картины и от этих зонтов, и от ярко-желтых домов вокруг — это несколько меняло палитру на выставленных работах. Но... сюда на Невский приходили не знатоки живописи, а туристы, шатающиеся по маршруту: Столовая №1 – Сувенирный магазин – Казанский собор – Сувенирный – Дом книги – Сувенирный – Гостиный двор – Два сувенирных подряд. И уже с полными

сумками сувениров туристы оказывались здесь, на уличной Ярмарке картин, где их ждали художники. Здесь были выставлены картины с видами Петербурга, пейзажи ядовито-желтой осени, натюрморты с цветами, изломленные в танце балерины и прочее, что имело спрос у гостей

Северной столицы. Прохожие смотрели, но покупали редко.

Всё готово! Картины развесила, упаковочный материал прибрала, ждём покупателей. Вика села на раскладной стульчик («пора купить поудобнее!») и стала смотреть на посетителей. Те, которые останавливались у других художников и даже спрашивали цену, вызывали ревность, а те, которые смотрели равнодушным взглядом на ее выставку и молча проходили дальше, вызывали грустные мысли о профессии художника. Не вызывали никаких чувств только те покупатели, которые залипали у стенда с картинками кошек в цветастых платьях, – кошечки всегда продавались хорошо. Но до кошечек Вика не могла опуститься!

Вика отвернула голову от Ярмарки, и ее взгляд уперся в витрины соседних бизнесов, который могли себе позволить не торговать на улице, как художники, а снять помещение на Невском: парфюмерный Oomph, женское нижнее белье Intimissimi и Sprut Tattoo studio. Нет, только не это! Повернула стул в противоположную сторону – там стайка художников предлагала нарисовать шарж или «быстро ваш портрет с натуры или с фото». У троих ребят сидели клиенты, и они сосредоточенно водили карандашом по бумаге. Вика за них порадовалась.

Охра золотистая

«А я же привезла только что отпечатанный каталог картин Деда!»

Вика была потомственной художницей, ее отец и дед были тоже художниками. Причем довольно известными ... в узких кругах Петербургских художников. Вика любила, нет, боготворила своего Деда! И стала художником благодаря именно его влиянию. А вчера она осуществила свою давнишнюю мечту – составила и опубликовала (за свой счет, конечно) красивый каталог его работ. Альбомчик привезла на Ярмарку. Вдруг познакомится здесь с каким-то серьезным ценителем живописи и тогда подарит ему экземпляр... может, он захочет что-то из каталога купить?

Вика достала новенький каталог и благоговейно его открывала. На первый разворот альбома, после долгих сомнений, она выбрала большую картину «В студии художника». Дед в теплых охристых тонах изобразил свою прекрасную большую студию с красивой старинной мебелью и деревянной лестницей на лофт. На стенах студии висят его работы, а на лестнице сидит девочка — это она, маленькая Вика... Как она любила приходить сюда, в этот храм искусства! Часами смотреть как работает Дед и мечтать, что когда-нибудь она тоже будет маститым художником, будет писать целыми днями большие холсты и они будут сохнуть на стенах такой

же большой и светлой студии. И обязательно с деревянной лестницей на лофт, где у нее тоже будет комнатка для отдыха!

Бирюзовая.

В работе художника Вике нравится все! Нравится на новом холсте протыкать черенком кисточки полиэтилен, сдирать, мять его и бросать в мусорку. И слушать, как в мусорке полиэтилен распрямляется и шуршит-ворчит.

Нравится раскладывать мольберт – тут открутил, там закрутил. Сложная конструкция из дерева с маленькой полочкой для кистей и креплением холста под определенным наклоном.

Нравится покрывать грунтом новый холст, а потом, задумавшись о будущей картине, смотреть на его сохнущую белую поверхность, источающую нежный аромат акриловой грунтовки – запах предвкушения.

Нравится, как угольная палочка легко танцует по холсту, оставляя черные линии эскиза будущей картины. Чувствуешь себя Богом, который набрасывает в пустоте идеи будущего мироустройства.

И вот можно уже доставать тюбики с масляной краской. Бедные, у некоторых крышечки присохли и приходится использовать специальные плоскогубцы. И эти, измазанные краской плоскогубцы тоже любимые!

Нравится выдавливать из тюбиков масло на палитру. Кажется, что ты пианист и сейчас настраиваешь свой собственный инструмент: выбираешь клавиши-пигменты и расставляешь их на свое усмотрение по клавиатуре-палитре. Чтобы потом смешать эти звуки-краски и сочинить красивую мелодию на холсте. Только, в отличие от пианиста, придуманная тобой музыка никогда не стихнет, а будет звучать с холста еще долго-долго.

Палитра готова, кисти в руках и, наконец, можно приступить к самому любимому – краски с разными пигментами собрать в одной лужице и провести кистью по холсту. Время исчезает...

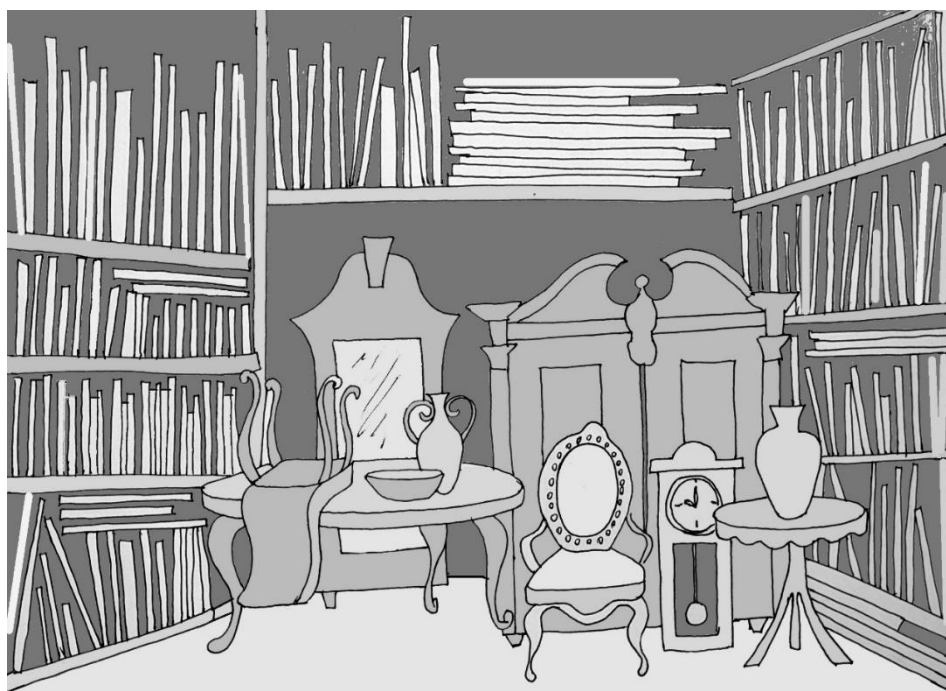

Викины раздумья прервал внезапный рев Невского проспекта. Это очередное стадо машин, собравшееся у пешеходной зебры, сорвалось с места и понеслось вперед. Светофор, отмерив нужную порцию, остановил стадо, и по зебре заспешили человечки. Отсюда кажется, что две группы друзей, стоящие по разные стороны Невского, сначала с нетерпением ждут, когда им дадут зеленый свет, а потом почти бегом спешат навстречу к друг другу, чтобы обняться... Но, встретившись посередине зебры, равнодушно проходят мимо, даже не обменявшись взглядами. И также в спешке разбегаются по разные стороны проспекта. «Драматическая картина, надо как-нибудь написать...» – думает Вика.

Те пешеходы, которые ушли на ту сторону Невского у нее уже ничего не купят, а те, что шли на эту, могут и заглянуть на Ярмарку, и купить что-то у нее. Вика отогнала меркантильные мысли и с тревогой посмотрела на небо, – оно только что было бирюзовым, а теперь затягивается серыми тучами. Похоже, к дождю.

Петербургская серая

Мечты о «студии как у бабушки» помахали ей ручкой и улетели в Петербургскую серую даль. Это в Совке художник был, действительно, свободен! Свободен от необходимости работать продавцом на рынке. Став членом Союза Художников, он получал шикарную студию с огромными окнами и был свободен там, выполнив гос-заказ, писать всё, что душе угодно. Гос-заказы были не по душе? А кошечек рисовать, чтобы на продаже хоть как-то заработать на студию, художнику по душе? Ведь в наши времена мастерскую для работы надо снимать и где-то ежемесячно зарабатывать на это деньги.

Вике еще повезло! У нее есть маленькая, но недорогая мастерская – помещение в сером пустом здании бывшего завода, бывший кабинет мелкого заводского начальника. Все 4 стены ее студии от пола до потолка в стеллажах, на которых плотно лежат работы Деда и ее, Викины. Небольшое пространство, свободное от склада картин, заставлено дедовской огромной антикварной мебелью. После смерти Деда ей дали всего 3 дня, чтобы освободить его мастерскую, и она, в жуткой спешке, перевозила картины и мебель Деда в это маленькое помещение. Мебель Вика хранила в надежде, что и у нее когда-нибудь будет большая студия с лофтом и эта мебель будет ее украшать. И будет «всё как у Деда»!

А пока ее мастерская – это небольшой пяточок для ее мольберта среди склада картин и мебели. Два окна большие, но забраны в решетку,

стекла грязные, а помыть невозможно. Из-за этих грязных окон ей кажется, что все краски на холсте проседают в серый оттенок. Но... Вика считается среди друзей-художников счастливчиком! Рента комнаты в пустом заводе очень скромная по сравнению с тем, что платят другие питерцы за съем помещения под мастерскую.

... О! У ее стенда стоит пожилая пара типичных туристов и с интересом разглядывает выставленные работы. Вика ревниво замечает, что им понравились не ее работы, а Светкины. «Я могу чем-то помочь? Есть вопросы?» Те испуганно смотрят на Вику и уходят к другим стендам. Странные какие-то... Нет, каталог работ Деда им явно не нужен.

Виридоновая зеленая

Вика перелистывает альбомчик дальше. Новые странички приятно скрипят и пахнут типографской краской. На второй и третьей странице Вика поместила портреты двух друзей деда. Как хорошо переданы их характеры! Дядя Коля, известный художник Николай Харатюнян еще жив, а вот дядя Лёня, художник Леонид Моисеевич Левин недавно ушел. Оба изображены Дедом в своих студиях, сидящими у своих мольбертов. Дядя Коля с кистями в руках сидит так, будто Дед его окликнул и он на минутку отвлекся от холста. А дядя Лёня сидит спиной к мольберту, смотрит на зрителя о чем-то глубоко задумавшись.

После смерти Леонида Моисеевича Вика помогала его жене, тете Наташе, перевезти его картины из мастерской. Тете Наташе тоже дали всего несколько дней, чтобы освободить студию, а она уже очень пожилая, детей у них не было, и Вика взяла всю организацию переезда на себя. Какая это тяжелая работа – разбирать и перевозить наследство художника! Надо перебрать сотни картин и эскизов и решить: это... хранить или можно выбросить?.. А вдруг этот маленький этюд когда-нибудь будет висеть в музее? Или все-таки выбросить?...

Хорошо, у них была большая квартира, и тетя Наташа смогла выделить целую комнату для хранения работ мужа. Потом тетя Наташа попросила Вику помочь ей организовать выставку работ Леонида Моисеевича – ей неожиданно предоставили зал в Михайловском дворце на целый месяц. Как они вместе радостно суетились! Как надеялись, что что-то из работ купят, и на эти деньги можно будет организовать еще выставки Леонида Моисеевича. Три месяца Вика с тетей Наташей занимались подготовкой выставки! Обрамляли картины, печатали каталог и флаеры, сколько нервов стоило перевозка картин, сколько споров было как лучше их развесить в зале. И... вдруг на выставке, уже перед закрытием, появились племянники Леонида Моисеевича, которые давно уехали в Германию. И не просто посетили выставку, но и заявили свои права на наследство дяди. Подали в суд на музей! И отсудили штраф. А когда вскоре после выставки жена дяди Лени скончалась, и они увезли картины с собой в Германию.

Женщина средних лет в платье смелого зеленого цвета рассматривает Викины картины. «Ну пожалуйста, постой хоть 3 минуты еще напротив них! Спроси что-то у меня!» – мысленно умоляет ее Вика. Женщина равнодушно отходит к другому стенду.

Фиолетовая светлая

для художника

Вот мужчина уже по третьему разу проходит мимо Викиной выставки и теперь тормозит напротив работ «бедной Лизы». Эту кличку Лиза сама себе дала, потому что уже лет 10 рисует одну и ту же, оскомину ей набившую, тему: Петербург под дождем. Чаще всего в сиреневых и фиолетовых тонах. Жирными мазками масла она пишет очередной городской пейзаж, а потом черенком кисти по еще мокрому маслу проводит вертикальные линии сверху вниз, и пейзаж расплывается, давая впечатление дождя. Точнее, кажется, что это вид из окна, по которому льется дождь. Несколько лет назад это имело успех у «сувенирных покупателей», – Питер же известен своей дождливой погодой. Опять же, похоже на абстракт, который тоже хорошо идет. Но сейчас этот сюжет уже плохо продается, и «бедная Лиза» сильно обеднела.

Вика опускает глаза обратно к каталогу. А вот любимый автопортрет Деда. Он тут такой, каким она его помнит. Красивый мужчина с бородой на фоне мольберта с кистью в руках. А рядом на соседней странице вся семья Вики. Мама, Вика – студентка Академии и ее старшая сводная сестра Оля. Оля – дочка папы от первого брака, сейчас живет тоже в Питере, работает в какой-то торговой фирме консультантом по ... никак не может Вика запомнить, о чем именно она консультирует, но далеко от искусства.

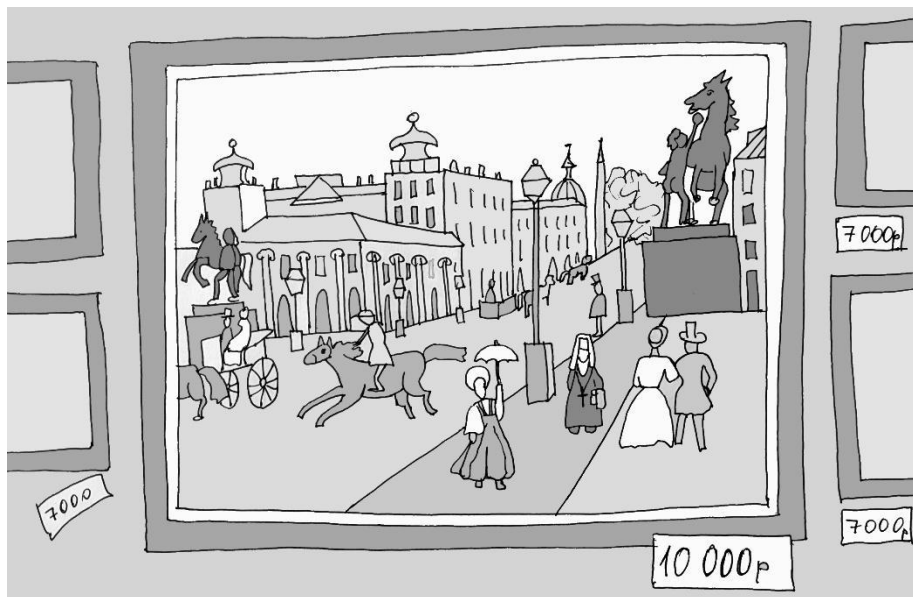
Вика с тоской вспомнила, что надо, надо начинать подготовку выставки работ Деда. Она же не просто так платит каждый месяц за хранение его работ, – это все с мечтой о выставке. Прошло время и его работы могут сейчас привлечь внимание ценителей искусства. И, может, удастся продать что-то. Но думает о выставке с тоской от того, что сначала надо получать официальное разрешение у Ольги. Чтобы не случилось так, как у дяди Лени, когда племянники объявились и всё отобрали. Ольга с другой, непонятной Вике головой, практичная, может и заявить свои права, она же тоже внучка Деда...

Кобальт синий

Дальше в каталоге Вика поместила картину о родителях Деда. Он ее написал в монохrome, оттенки синего. Называется «Обыск». Картина пронзительная: стоят в белом родители Деда (видно, ночью нагрянули с арестом, мама в ночной рубашке, отец в белой пижаме), стоят замерев и

похожи на святых. А между ними в центре картины стоит мальчик с опущенной скрипкой – это сам Дед. Все трое смотрят на зрителя бесконечно грустным взглядом. А сзади них, в глубине комнаты красноармейцы роются на книжных полках...

Из задумчивости Вику выводит голос мужчины. На нем мокрый синий плащ. Оказывается, начался дождик.

– А кто автор этих картин? – спрашивает он про Викуны 5 рамок. На картинах изображены виды Петербурга 19-ого века: на фоне знакомых питерских дворцов и храмов прогуливаются мужчины в котелках и дамы в длинных платьях, садятся в кареты, едут в открытых бричках.

– Я автор... – отвечает Вика, с трудом сдерживая радость.

– Мне очень нравятся Ваши картины! Фигуры людей такие крохотные, а читается и поза, и фасон одежды героев...

– Спасибо! Я хотела воссоздать атмосферу Петербурга 19-ого века.

– Да-да, я это понял сразу. Какой прекрасный Ваш город! А сколько стоят эти картины?

– Эти четыре, которые на маленьких холстах, 7 000р. А эта, которая на большом холсте – 10 000 р.

– Хм... а те вон кошечки в 5 раз дешевле! – С улыбкой подмигивает мужчина. – Ой, простите, я не хотел Вас обидеть, просто на других стендах

я таких пошлостей насмотрелся, а Ваши картины первое, что заставило меня остановиться и полюбоваться. Это ведь масло, не акрил?

– Да, масло... – Викино сердце стучит, будто она марафон пробежала.

– Знаете, я хотел бы их купить все пять, но... будет скидка, если я их все вместе куплю?

«О боже! Мне так нужны деньги сейчас! На неделю просрочена оплата за «кабинет на заводе». Почти закончились цинковые белила. И холсты нужны! Эти работы потому такие «с мелкими деталями», что холсты маленькие, а холсты маленькие потому, что купить большой холст денег нет! Сейчас скажу, что скидки нет и потеряю такого замечательного покупателя...»

Человек в синем плаще не дождался ответа и добавил:

– Дело в том, что я покупаю не для себя, а для офиса в Цюрихе...

«Если он купит, у меня в портфолио появится запись «Картины художницы хранятся в частных коллекциях Петербурга, Москвы, Италии (подарила одну картину подруге, туда уехавшей замуж), США (купил один русский американец) и... Швейцарии.» Как было бы здорово!»

– И, если скидки нет, это же в сумме... 38 000 рублей, да?

Вика от испуга забыла арифметику и не пересчитав, утвердительно махнула головой. Человек в синем плаще понял это как «нет, скидки не будет, пять картин стоят 38 000» продолжил:

– Тогда мне придется сейчас дозвониться до нашего начальства и спросить можем ли мы потратить такую сумму. Мне очень нравятся Ваши картины, и они идеально подходят под офис, но... Я сейчас переговорю и вернусь.

И он отошел, приложив к уху мобильник.

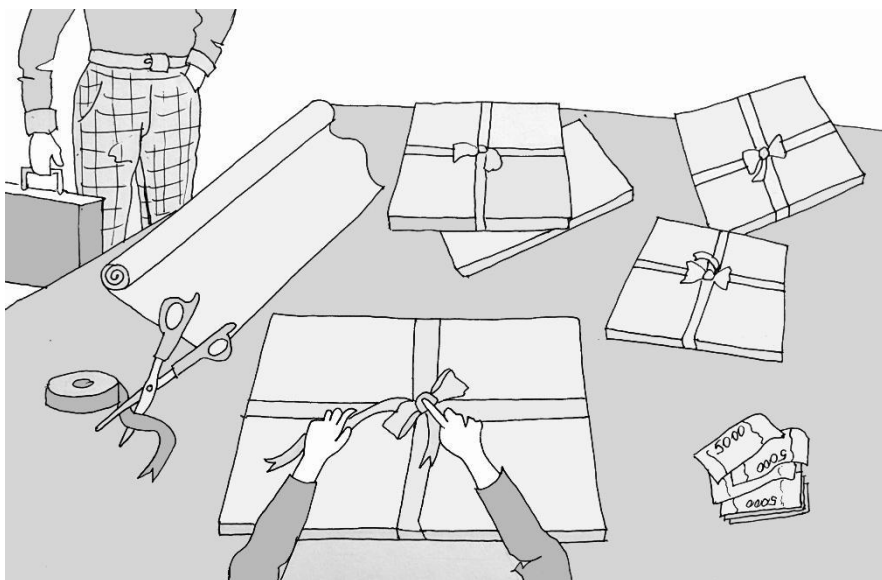
«Дура-дура-дура! Он больше не вернется! Надо было ему предложить небольшую скидку. Не продашь ты ничего сегодня! А могла бы не только ренту студии на месяц вперед заплатить, но и холстами закупиться, цинковых белил тюбиков 5 и ... О боже, новый мольберт! Как мне нужен новый мольберт! Прямо сегодня купила бы!»

Неаполитанский розовый кармин

Мужчина возвращается таким уверенным шагом, что Вика сразу понимает – ответ «Да!»

– Обо всем договорился! Из меня неплохой бы получился искусствовед, наверное, я так красочно описал Ваши работы! – весело говорит он. – Упаковывайте все пять вместе с рамками!

Жизнь прекрасна! Вика достает давно заготовленную нежно-розовую упаковочную бумагу и бережно завертывает все пять картин. Мужчина отсчитывает деньги и уносит розовые упаковки.

В этот день она еще продала один Светин натюрморт и два дождя Бедной Лизы.

Крапlak красный темный.

В 3 часа дня Света сменила Вику, и в прекрасном настроении она бежит к станции метро Невский проспект. У метро кидает презрительный взгляд на витрины сувенирных магазинов. До конца светового дня еще 4 часа, скорее в мастерскую! Она может сегодня продолжить писать ту самую работу, которую месяц назад спрятала от себя, чтобы работать только над картинами для ярмарки.

Вика бегом взлетает по широченной заводской лестнице на третий этаж и... видит, что на двери ее мастерской наклеена полоска белой бумажки. Что это? Дверь опечатана?! На бумажке никаких объяснений, только размазанная темно-красная печать. «Это потому, что я просрочила неделю оплаты... – с ужасом понимает Вика – ничего, сейчас предложу ему за 2 месяца вперед!»

Звонит хозяину помещения:

– Владлен Семенович, я сейчас у двери моей студии, тут почему-то опечатано...

Владлен Семенович тут же разъединяет и больше на ее звонки не отвечает.

Вика чувствует, как ее накрывает паническая атака. Глотая на ходу красную таблеточку Персена, спускается на первый этаж к вахтеру. Слава богу сегодня дежурит Александр, он хоть говорит на русском языке:

– Виктория Михайловна, а Вас не п-предупредили? Это... д-д-дело в том, что Владлен Семенович не имел ... это... ну... п-прав сдавать это помещение. Он не был его хозяином, а был... п-просто... твою мать, жуликом, сука! В-ворюга! – Александр старается говорить без мата, от этого сильно заикается. – Да Вы не волнуйтесь так, на Вас лица нет! В-все будет хорошо! Вы можете спокойно содрать печать, открыть дверь своим ключом и войти туда... У Вас есть целых три дня, чтобы вывезти свои вещи и освободить помещение!